

Международная научная конференция «Изображая Российскую империю»

(ТюмГУ, Тюмень, 28–30 июня 2019 года)¹

С 28 по 30 июня 2019 года под щебет сибирских птиц в Тюменском государственном университете, в старинном актовом зале бывшей женской гимназии (до 1919 года, ныне — административный корпус университета), прошла международная конференция «Изображая Российскую империю»². В форуме приняли участие ведущие специалисты в области визуальной антропологии и имперской истории из Великобритании, Германии, России, США, Финляндии и Швеции. Среди участников — ученые из Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Уральского федерального университета, Российской академии наук, Политехнического музея, университетских колледжей Рид, Суортмор и Уильямс, университетов Арканзаса, Кембриджа, Лафборо, Ноттингема, Нью-Мексико, Мичигана, Мюнхена, Оксфорда, Стокгольма, Техаса и других.

Конференция была организована Тюменским университетом в сотрудничестве с коллегами из Мичиганского и Техасского университетов. Ее центральной темой стал феномен визуального — идеологий и практик репрезентации, определявших имперскую (в терминологическом и концептуальном смыслах) историю Руси, Российской империи, СССР, современной России и постсоветского пространства.

В своих приветственных словах *Валери Кивельсон* (Мичиганский университет в Энн-Арбор) и *Джоан Ньюбергер* (Техасский университет в Остине) обозначили ряд вопросов, определивших концептуальную рамку конференции: какую роль в жизни империи играли зрение, визуальные опыт и практики? Была ли у имперского визуального своя агентность (agency)? Как действовали образы и репрезентации в имперской ситуации и обладали ли они самостоятельным бытием? Что, собственно, имперского было в такой визуальности и как, активно или пассивно, само зрение влияло на складывание имперских практик? Каковы были определяющие формы этих визуальных по своему генезису практик — пропаганда, протест, нечто иное? Какова была роль визуального в концептуализации основных категорий имперской ситуации — в оформлении режимов верховной и «туземной» властей, находившихся в постоянном диалоге? Какие теории, кроме ориентализма Эдварда Саида, могут быть использованы для исследования этого «визуального» диалога? Какую роль визуальное сыграло в истории гипотетического российского «логоцентризма»? В каких отношениях находились российское имперское визуальное и «окулярцентризм» модерна?

Дискуссионно близкие доклады секций «Связующее звено империй» (Nexus of Empires) и «Визуальные инфраструктуры империи» (Visual infrastructures of Empire), с которых началась работа конференции, были посвящены эвристическим перспективам визуальных источников, относящихся к древнейшему периоду истории Руси, еще не представлявшей собой империю *sensu stricto*. В ходе дискуссии обсуждались механизмы включения ранней Руси в мир современных для нее империй и возможные имперские устремления этой политики.

В докладе *Моники Уайт* (Ноттингемский университет) «*Ранняя Русь: связующее звено империй*», открывшем одноименную секцию, на материале нумизмати-

1 Обзор докладов по исторической географии Руси выполнен при поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-623.2020.6).

2 Программу см.: <https://www.utmn.ru/presse/novosti/nauka-i-innovatsii/731250/> (дата обращения: 21.12.2020).

ческой иконографии эпохи князя Владимира Святославича (ум. в 1015 году) рассматривались эффекты влияния на древнерусское политическое воображение со стороны соседей Руси, политическое устройство которых традиционно описывается как имперское — Византийской империи, Аббасидского халифата и Хазарского каганата. Уайт отметила, что, вопреки историографической традиции, разрабатывающей в основном проблематику византийского влияния и не особенно внимательной к арабским и хазарским источникам, символика древнерусских монет позволяет утверждать, что Русь моделировала свои протоимперские практики по образцам всех трех евразийских империй.

Разнообразие подходов к изображению Руси в арабской географической традиции был посвящен доклад *Ирины Коноваловой* (ИВИ РАН) «*Место Руси в системе мировых империй в арабской географии X века*». В разных частях аббасидского географического трактата аль-Истахри (ум. в 957 году) «Книга маршрутов и провинций» — на общей карте мира, региональных картах и комментариях к атласу — Русь изображалась в разных масштабах и с разных, порой противоречивых, точек зрения: одновременно как часть византийского имперского пространства и независимое государство с тенденцией к регионализации.

Регионализации древнерусского пространства как пространства транзита византийских символических моделей из Причерноморья в Скандинавию и, шире, как части культурной и экономической сети, простиравшейся от англосаксонских политий до Центральной Азии, был посвящен доклад *Александры Вукович* (Оксфордский университет) «*Региональные визуальные маркеры в монетном производстве ранней Руси*», также построенный на анализе нумизматической иконографии. В то время как Уайт исходила из того, что древнерусские монеты отражали амбиции сформировавшейся и не имевшей конкуренции княжеской власти, Вукович указывала на упрощенность подобного видения. Продемонстрировав на материале монет и печатей, что их производство иногда осуществлялось группами, не входившими в княжескую элиту Руси или Византии, Вукович поставила под сомнение догму о ранней Руси как о государственном образовании, устройство которого может быть описано с точки зрения раз и навсегда сформированных политических категорий.

Завершило и концептуально оформило «средневековую» часть конференции выступление *Вячеслава Кулешова* (Стокгольмский университет) «*Имперское измерение российской истории: визуальные маркеры древнейшего этапа*», в котором обсуждались вопросы применения «имперской» перспективы к древнерусской истории. При сопоставлении отразившихся в монетной символике визуальных маркеров имперского статуса, на который претендовали правители Руси X и XI веков, со свойственными для них практиками колонизации, территориальной экспансии, подчинения и объединения местных обществ, Кулешов пришел к выводу, что политическая программа этих правителей включала в себя задачи имперского масштаба и качества. Последнее также касается эпохи викингов, неотъемлемой частью которой была ранняя Русь, — в последнее время ученые все чаще говорят о том, что викингам были присущи как имперские представления о самих себе, так и соответствующие практики.

Другой важной методологической рамкой конференции стала историко-экологическая (Environmental history). Если принять во внимание место проведения конференции, не удивительно, что все доклады секции «Разнообразная природа империи и визуальное» (Imperial environments and the visual) были посвящены экологической истории и антропологии сибирских колоний.

В докладе *Евгения Гришина* (ТюмГУ) «*За пределами визуального: материальность опыта в источниках XVII века*» на примере миниатюр «Краткой сибир-

ской летописи» Семена Ремезова (1642—1721), изображавших первое жертвоприношение Ноя после Потопа и древо жизни в Эдемском саду, обсуждались проблемы соотношения окуляроцентрической и логоцентрической оптики при исследовании истории ресурсного освоения Сибири в XVII веке, которое производилось христианами, верившими в мир, созданный всемогущим и всеведущим Богом, но также было связано с убийством множества пушных животных. Доклад был посвящен риторическим связям между убийством животных и имперской экспансией.

Доклад *Эрики Монахан* (Университет Нью-Мексико) «*Природа против власти: границы имперского контроля*» был также посвящен трудам Семена Ремезова, а именно его «Хорографической книге Сибири» как аутентичному свидетельству, отражающему многофакторность имперского опыта (Complexities of Imperial experience), опосредующего отношения между имперскими и местными властями.

В докладе *Евгения Манжурина* (Университет Восточной Финляндии) «*Возвращение Соболя. Постсоветские локальные присвоения символа имперской Сибири*» исследовалась история и антропология геральдического соболя — имперского символа, который в постсоветский период избавился от традиционных коннотаций, связанных с колониальной эксплуатацией, и был переосмыслен и присвоен в качестве символа многими сибирскими городами и территориями.

Основной массив представленных на конференции исследований, впрочем, составили работы, посвященные политикам и практикам репрезентаций империи, ее пространства, населения и связанной с ними истории. Исторические репрезентации как основа визуальной самоидентификации жителей Российской империи, СССР и постсоветских территорий исследовались в работах Алины Новик, Галины Любимовой, Розалин Полли Блэйкли, Юлии Михайловой и Ольги Шевченко.

В докладе *Алины Новик* (ЕУСПб) «*Царь умер, да здравствует царь! Взгляды на смерть Александра I и коронацию Николая I в русских косморам*» исследовался репертуар русских косморам второй половины 1820-х, посвященных кончине Александра I и коронации Николая I. Как отметила исследовательница, «текст» косморам, традиционно тяготевший к изображению крупных городов, таких как Париж или Константинополь/Стамбул, под влиянием политических событий середины десятилетия совершил переход от исторической образности к «пространству памяти» о событиях общегосударственного значения.

Вызвал дискуссию доклад *Галины Любимовой* (СО РАН, Новосибирск) «*Крестьянская роспись с изображением Ермака из Енисейской губернии: к связи визуальной и вербальной фольклорных форм*», посвященный «эпической» интерпретации иконографии Ермака в крестьянской живописи начала XX века. Исследования подобных памятников, происходящих из отдаленных окраин империи, ценны тем, что открывают уникальный доступ к визуальным практикам крестьянского сословия.

Тему Ермака продолжил доклад *Розалинд Полли Блэйкли* (Кембриджский университет) «*Сибирские корни в имперском пространстве: “Покорение Сибири Ермаком” Сурикова*», посвященный творческой истории классического батального полотна Василия Сурикова (1895) и затрагивавший некоторые малоизвестные аспекты процесса работы над этой картиной. Блэйкли показала, как менявшаяся по ходу форма картины и отдельных ее частей меняла и общий смысл всего полотна, изображавшего экспансию русских в Сибири.

Юлия Михайлова (Институт горного дела и технологии Нью-Мексико) в докладе «*Святослав арийский, азиатские орды и имперский дискурс: диорама “Последний бой Святослава”, ее “вторая жизнь” в интернете и парадоксы противостояния национализму*» также обратилась к «имперской» исторической живописи, одним из родоначальников которой был Суриков. Ее работа была посвящена диораме народного художника РСФСР Николая Овечкина «Последний бой Свято-

слава» (1984), в эпоху интернета превратившейся в популярную иллюстрацию к широкому кругу текстов, от популярных пособий по истории до националистической пропаганды. Став инструментом современной исторической политики, эта диорама, идеологически восходящая к дискурсу национализирующей империи времен Сурикова, одновременно используется как русскими, так и украинскими националистами.

В докладе *Ольги Шевченко* (Уильямс-колледж) «*Наша собственная земля*»: *визуальная (гео)политика движения “Бессмертный полк”*» исследовалось диаспорическое присутствие национальных меньшинств в шествиях «Бессмертного полка». В частности, докладчицу интересовало, как представители различных диаспор используют визуальный язык советского интернационализма, чтобы определить и интерпретировать свое место в постсоветском проекте.

Для большинства докладов, представленных на секциях «Визуальная этнография» (Visual ethnography), «Имперские тела» (Imperial bodies), «Визуальная фиксация Империи» (Visual fixation of Empire) и «Визуальное как способ обретения, укрепления и противостояния империи» (Defining, making, resisting Empire through the visual), была характерна оптика визуальной антропологии как междисциплинарного направления, изучающего практики визуальной фиксации культур. Практикам создания пространственного языка Российской империи, свойственным для образованных наблюдателей эпохи высокого модерна, были посвящены доклады *Нади Беркович*, *Федора Корандея*, *Анны Котоминой* и *Елены Головной*.

В докладе *Нади Беркович* (Университет Арканзаса) «*Чокан Валиханов рисует империю*» исследовался архив графики казахского этнографа *Чокана Валиханова* (1835—1866), который от имени Русского Императорского географического общества картографировал Центральную Азию, попутно создавая зарисовки населявших ее народов: казахов, киргизов, а также обитателей Кашгара, живших на дальнем западе Китая. Как показала докладчица, «импрессионистический» стиль *Валиханова*, непрофессионализм которого очевиден при сопоставлении с рисунками другого «этнографического» художника эпохи, тоже сибиряка, — *Павла Кошарова* (1824—1902), может быть рассмотрен как язык субалтерна, присвоившего практики колониального центра и использовавшего их для децентрализации дискурса и создания «видимости» колониальных подданных, в том числе и в гендерном аспекте.

В докладе *Федора Корандея* (ТюмГУ) «*Картографирование сибирских путешествий: изменение образов первого сибирского города периода транспортной революции*» были представлены результаты проекта, посвященного картографированию визуального ряда травелогов (literary mapping), рассказывающих о Тюмени периода транспортной революции 1860—1890-х годов. Акцент был сделан на обсуждении эвристического потенциала источников, содержащих иллюстрации. Сопоставление общих мест корпуса сибирских травелогов, составленных многочисленными путешественниками, проезжавшими через «ворота Сибири» в период между появлением в регионе пассажирских пароходов и строительством Транссиба, с корпусом ранней тюменской фотографии позволило показать не только трансформацию транспортной инфраструктуры, иерархию городских районов, видов местности и популярных достопримечательностей города, но и специфическую социальную обусловленность этих визуальных репрезентаций, порожденных представителями образованных слоев, не имевших возможности, в силу своего статуса и транзитного состояния, получить доступ в мир основного населения города — мещан и купечества.

Доклады *Анны Котоминой* (Политехнический музей, Москва) «*Волшебный Север: Новая Земля Александра Борисова*» и *Елены Головной* (УрФУ) «*Фотофиксация Дальнего Востока в работах Владимира Арсеньева*» были посвящены

визуальным архивам знаменитых русских путешественников, которым принадлежала решающая роль в создании классических репрезентаций Русского Севера и Дальнего Востока периода транзита от поздней империи к раннему СССР. Анна Котомина исследовала созданный художником Александром Борисовым (1866—1934) набор из 42 слайдов для волшебного фонаря, сопровождавшего публичные лекции, посвященные его художественным путешествиям, и поделилась некоторыми соображениями, касающимися места этой оптической технологии в визуальной политике северной колонизации. Доклад Елены Головневой был посвящен описанию малоизвестной и неопубликованной архивной фотоколлекции Владимира Арсеньева (1872—1930), хранящейся в архиве Общества исследований Амурской области во Владивостоке.

В докладах Натаниэла Найта, Сары Бэдкок, Наоми Каффи и Стива Норриса исследовались практики визуализации этнического разнообразия Российской империи и ее ближайших соседей.

Натаниэл Найт (Университет Сетон-Холл) в докладе «*Костюмы и обычаи: представления о разнообразии в начале XVIII века Российской империи*» представил материалы малоизвестной коллекции народных типов и костюмов Российской империи первой половины XVIII века, хранящейся в Шведском национальном музее в Стокгольме, и поделился своими соображениями о том, как в период ранней империи формулировались базовые представления о разнообразии населявших ее народов, как соотносились в визуальном языке эпохи категории типичности и индивидуальности, какие практики утверждения достоверности использовали авторы изображений, составивших эту коллекцию.

Сара Бэдкок (Ноттингемский университет) свой доклад «*Внутренний взгляд? Русский крестьянин как имперский подданный*» посвятила рефлексии над крестьянским портретом кисти Ильи Репина «*Мужичок из робких*» (1877). Портрет неизвестного крестьянина был охарактеризован Бэдкок как воплощение парадокса «внутренней колонизации» — как можно говорить об ориентализме по отношению к Другому, когда этот Другой одновременно является основой национальной самоидентификации в эпоху национализирующейся империй

Доклад Наоми Каффи (Рид-колледж) «*Карикатура на Южном Кавказе: оцифровка и пересмотр произведений Оскара Шмерлинга*», посвященный изучению архива грузинского карикатуриста Оскара Шмерлинга (1863—1938), приоткрыл аудитории конференции дверь в мир многоязычной периодики Южного Кавказа начала XX века. Тбилисский художник немецкого происхождения, не принадлежавший ни к одной из основных этнических групп региона, снискал популярность в националистической печати всех направлений, публикуя карикатуры в армянской, азербайджанской, грузинской, российской и еврейской прессе. Обратившись к сравнительному анализу карикатур Шмерлинга, опубликованных в грузинской, армянской и азербайджанской периодике, Каффи исследовала роль сатирической иллюстрации как инструмента антиколониального сопротивления и строительства национальных идентичностей.

В докладе *Стива Норриса* (Университет Майами) «*Китайские тени и демократические иранцы: советская политическая карикатура и имперское воображение*» были описаны сатирические стратегии советского политического карикатуриста Бориса Ефимова, с 1918 по 1991 год опубликовавшего на страницах советской прессы тысячи карикатур, связанных в том числе с изображением политических противников социалистического мира. Анализируя «китайский» сюжет Ефимова (первые изображения китайцев в его творчестве относятся к 1924-му, а последние — к 1979 году), Норрис обратился к специфике советской визуальной пропаганды, которая отвергала стандартные ориенталистские рамки, свойствен-

ные «дореволюционной» и «буржуазной» сатирической эстетике, и оперировала подвижными границами, позволявшими включать и исключать из числа «друзей» разные группы персонажей.

Наконец, важной темой конференции стала эволюция советской визуальной культуры как специфического медиума, превращавшего эстетические открытия авангарда в элементы административного языка советской империи. Этой проблематике были посвящены доклады Анджелины Лусенто, Хелены Хольцбергер, Эрики Вульф и Джессики Уернеке.

В докладе *Анджелины Лусенто* (НИУ ВШЭ) «*Завтрак в Суук-Су: визуальный "татаризм" на пороге советской империи*» исследовалась роль татарского живописного авангарда (известного как Татлеф) в развитии ранней советской визуальной культуры. На материале историко-социального анализа картины башкирского художника Константина Чеботарева «Завтрак в Суук-Су» (1918) Лусенто показала, что татарская тема, возникающая в контексте антиимпериалистической и демократической раннесоветской культуры, использовалась художником для противостояния неоимперским импульсам, которые в этот период уже начали проявляться в большевистской риторике.

Хелена Хольцбергер (Мюнхенский университет имени Людвига и Максимилиана) в докладе «*Изображение советской модернизации в Центральной Азии*» исследовала визуальный ряд фотокниги Александра Родченко и Варвары Степановой «10 лет Узбекистана ССР» (1934) и описала стратегии «позитивного» изображения Узбекистана как образцовой модели представления регионов в сталинском репрезентационном проекте. Хольцбергер показала, в частности, что чрезвычайно популярная в подобных исследованиях концепция ориентализма недостаточно релевантна для описания некоторых аспектов имперского производства репрезентаций.

Доклад *Эрики Вульф* (ТюмГУ) «*От субъектов к гражданам: политика советского тела в двух советских политических плакатах*» был посвящен практикам «политики советского имперского тела» (Soviet imperial body politic), исследовавшимся на материале послевоенного политического плаката. Анализируя «визуальную конструкцию» плакатов авторства Бориса Березовского (1910—1977), Вульф показала, насколько стандартными и стереотипными были композиция, приемы и даже элементы визуального «сырья» художника, восходящего к специфическому клип-арту профессионального пропагандиста (видеть, как появляется и меняется в разных плакатных контекстах один и тот же человек в кавказской папахе, было очень забавно). Она также показала, насколько разными, в зависимости от того, какие варианты советского политического тела должен был представить художник в итоге, оказывались результаты этой работы. По словам докладчицы, подобные феномены должны читаться не столько как специфическое воплощение отношений властной агентности в пропаганде, сколько как структурные особенности этого дискурса.

В докладе *Джессики Уернеке* (Университет Лафборо) «*Репрезентации женщин на советской периферии. Тартуские фотовыставки 1983 и 1986 годов*» были рассмотрены отдаленные последствия раннесоветской визуальной политики, оказавшие влияние на визуальный ряд фотовыставок в Тарту в 1983 и 1986 годах, посвященных женщине в фотоискусстве. По мнению Уернеке, эти выставки, с одной стороны, являлись наглядным воплощением стандартных позднесоветских представлений о женственности, с другой — демонстрировали признаки кризиса устоявшейся эстетики соцреализма, который обнаруживался в первую очередь на периферии советской империи.

В третий, заключительный день конференции состоялась общая дискуссия, в ходе которой организаторы и участники подвели итоги форума.

Открывая дискуссию, Валери Кивельсон еще раз обратила внимание собравшихся на некоторые фундаментальные вопросы, оказавшиеся лейтмотивом большинства представленных докладов. Их осмысление, по мнению Кивельсон, способно существенно повлиять на исследовательские акценты будущих работ. Мы должны задумываться не только над тем, кем и для кого создавались те или иные изображения, каковы были сколь угодно сложные и важные обстоятельства их восприятия и какой зрительский отклик они порождали. Мы должны подумать также и о том, как они работали сами по себе и что это была за работа. Таким образом, мы снова возвращаемся к тем вопросам, которые задавали в самом начале — обладают ли визуальные артефакты собственной агентностью, и если да, то до каких пределов она простирается? Кивельсон также обратила внимание на методологическую и эпистемологическую проблему, неоднократно обсуждавшуюся в дни конференции: каким образом мы знаем то, что мы знаем, и особенно то, что мы видим?

После этого Джоан Ньюбергер обратилась к более частному вопросу, касавшемуся концептуального языка, на котором должен происходить разговор о визуальном в имперской ситуации. Ньюбергер показала, что для докладов, в ходе которых обсуждалась эта проблема, были характерны четыре общие темы. Во-первых, ряд работ был посвящен тому, каким образом реализуются на уровне визуальных репрезентаций ситуации конфликта, противоречия или контакта, иногда обнаруживающие тенденцию к иерархизации смыслов или гомогенизации визуального содержания. Во-вторых, доклады отличались друг от друга своей направленностью внутри социального поля. Для работ, посвященных вопросам ранней истории, был характерен интерес к горизонтальным, межимперским контактам. В работах, посвященных модерну, в основном исследовались вертикальные коммуникации, например стратегии элит, использовавших изображения как средство «убеждения» низших классов, или практики субалтернов, для которых визуальное часто оказывалось способом сопротивления или альтернативного описания реальности. В-третьих, в контексте вышеупомянутых стратегий «убеждения» весьма важным оказался вопрос о том, как работают изображения, в которых воплощаются и при помощи которых передаются абстрактные идеи. Независимо от визуальной сложности изображений, они оказываются наиболее эффективными, когда обращаются прежде всего к эмоциям, и потому могут быть восприняты множеством разных аудиторий. В-четвертых, оказалось, что даже изображения, которые воспринимаются как иконические воплощения «имперского взгляда», направленного сверху вниз или из центра на периферию, часто производятся в весьма сложных контекстах людьми, чьи отношения с верховной властью не так уж просты, что, в свою очередь, должно усложнять восприятие таких изображений.

Продолжая тему визуального в имперской ситуации, *Рональд Суни* (Мичиганский университет в Энн-Арбор) заметил, что необходимо критически подходить к расхожему тезису о неизбежности империй и национальных государств. По мнению Суни, нужно видеть разницу между теми артефактами (монетами и изображениями), которые действительно являются свидетельством существования империи, и теми, которые отражают только тот факт, что у некоторых обществ прошлого были имперские амбиции.

Сергей Козлов (ТюмГУ) напомнил аудитории, насколько непросто является вопрос о смыслах, которые мы приписываем изображениям. Опираясь на примеры из своего опыта историка-византиниста, он рассказал о разнообразной терминологии, использовавшейся в греческом языке византийской эпохи для обозначения разных контекстов, в которых существовало изображение, показал разницу между тем, как воспринимали одни и те же объекты древнегреческие вазописцы и византийские миниатюристы. Кроме того, по мнению Козлова, всегда нужно спрашивать

себя, а как на зрителей смотрит само изображение («чего хотят картины?», по меткому выражению Уильяма Дж.Т. Митчелла).

В разгоревшейся далее дискуссии были обозначены еще несколько принципиально важных моментов. Прежде всего, прозвучало несколько соображений о том, насколько важен при исследовании любого отдельного изображения его изобразительный контекст, что предполагает анализ относящийся к вопросу иконографии, путей, которыми те или иные изображения (или их элементы) перемещались из одного контекста в другой, технических аспектов циркуляции изображений, происшедшей посредством книг, музеев, школ, рынка и других экономических сред. Было отмечено также, что при анализе изображений порой необходимо учитывать селективные политические стратегии, направленные на то, чтобы скрыть характерные для их создателей про- или контримперские взгляды. Иногда нужно подумать о том, какие вещи автор изображения предпочел на нем оставить, и подумать о тех из них, которые туда не попали. Один из участников дискуссии напомнил о роли, которую изображения играют в создании весьма далеких от повседневного опыта большинства людей риторических миров, организующих специфическую реальность как официального, так и альтернативного свойства. Другой спикер отметил, что полезно размышлять не только о том, может ли субалтерн говорить и создавать изображения, но и о том, какой была (бы) его реакция на изображения, созданные другими.

В заключение участники дискуссии сошлись во мнении, что форум помог сформулировать и прояснить целый ряд вопросов, связанных с ролью и характером визуального в имперской ситуации. Было отмечено, что успех конференции во многом связан с тем, что она проводилась за пределами метрополии, так что ее участники обрели и опыт работы вдали от признанных центров влияния, и возможность поразмышлять над смыслом этого опыта.

По итогам конференции в издательстве Оксфордского университета готовится к печати сборник статей «Picturing Russian Empire», задуманный как продолжение коллективной монографии «Picturing Russia», изданной под редакцией Валери Кивельсон и Джоан Ньюбергер в 2008 году³.

*Валери Кивельсон, Сергей Козлов,
Федор Корандей, Джоан Ньюбергер*

---

3 Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / Eds. V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven: Yale University Press, 2008.